

РОБЕРТ БАЛАКШИН

ЗНАМЯ НАРОДА

*Советская массовая песня
как исключительное явление мировой музыкальной культуры*

*Нам песня строить и жить помогает.
Она, как друг, и зовёт, и ведёт,
И тот, кто с песней по жизни шагает,
Тот никогда и нигде не пропадёт.*

В. Лебедев-Кумач

Введение

Советская цивилизация просуществовала всего несколько десятилетий, а след в мировой истории оставила неизгладимый.

Фундаментальные научные исследования, полёты в космос, разработка уникальных хирургических операций и многое другое стало достоянием других народов. Какими-то открытиями мы делились бескорыстно, кому-то продавали лицензии на производство наших образцов техники, что-то было у нас выведено иноземными разведчиками, украдено и продано предателями. Системы образования и здравоохранения вообще можно перенять, было бы желание.

Но имелось в советской цивилизации **нечто** такое, на что нельзя выдать лицензию, что нельзя позаимствовать или украсть. Разве возможно позаимствовать народную душу?

То, что “ страна Советов – родина свободы”, то, что Советский Союз был самой читающей страной в мире, не требует доказательств. Это общепризнанный факт. Свидетельство тому – миллионные тиражи журналов и книг той поры. Причина, почему сейчас тираж в 10 тысяч экземпляров считается большим, – тема особого разговора. Это следствие ослабления, а потом и принижения высокой идеи, озарявшей бытие советского народа, обрушение уникальной экономики, дававшей человеку много свободного времени для самосовершенствования в различных областях знания и культуры; это и приход к власти в стране малокультурного, не читающего руководства и т. д.

Однако, признавая неоспоримым факт существования самого читающего государства, мы совсем не задумываемся над тем, что Советский Союз был и самой поющей страной в мире.

То была цветущая, мечтающая и, главное, поющая страна. День её начинался с пения горнов в пионерских лагерях и бодрящей побудки сигнальных труб в воинских гарнизонах. Пели дети на лужайках пионерлагерей, солдаты на строевых плацах, студенты в стройотрядах, ИТРы и служащие на субботниках, в детских садах пели малютки, пел ветер на арфовых струнах проводов

высоковольтных ЛЭП, ветер пел, обвеяв своими потоками меч богатырской воительницы в сталинградских степях, пели даже сплошь железные, бездушные тепловозы, перекликаясь друг с другом на стальных рельсах густыми басовитыми содрогающими округу гудками.

Учитывая художественное преувеличение сказанного, всё же надо признать большую долю истинности.

Одно из воспоминаний моего детства – поющие воспитательницы на даче в детсаду, поющий строй солдат, люди на демонстрации. Вопреки усердно распространяемой нынче лжи, демонстрации были народными праздниками. Их ждали, к ним готовились, люди в этот день надевали праздничные, лучшие одежды, тороватые хозяйки пекли вкусные пироги, люди ходили друг к другу в гости, а в гостях, само собой, пели.

Времена изначальные

Истоки советской песни лежат в далёкой древности, когда песня была естественной частью народной бытовой культуры, неотъемлемой частью земледельческой магии, то, что называют сейчас календарно-обрядовой поэзией. Все великие культуры древности имеют те же истоки. От анонимных памятников народных песен к поэзии, отмеченной индивидуальным взглядом на мир и манерой изложения. Так и русская литература развивалась от безымянных “Во лузях” и “Ой вы, горы Воробьёвские” до индивидуальных.

Жизнь русского человека с колыбели до могилы сопровождалась песней. Под убаюкивающие песни матери, бабушки или сестры он сладко засыпал в свой младенческой колыбели, песня веселила его в игровом возрасте, с песней он пахал поле и сеял, с песней трудился в лесу, самое важное событие в его жизни – свадьба – была изобильно украшена песней*, песня провожала его в последний путь (не имеется в виду пение панихиды, помимо церковных песнопений, существовали особые погребальные песни).

Эту мысль о неразрывной связи русского человека с песней подтверждает иностранный наблюдатель. “Русский человек, – по словам И. Г. Беллермана**, – поёт почти постоянно. Крестьянин поёт как за полевой работой, так и в кабаке; солдат – во время похода и в лагере; извозчик и почтальон – во время езды”.

Мнение иностранного исследователя поддерживает наш соотечественник: “Ни один народ в Европе не имеет такого богатства песен и напевов, красивых и оригинальных, как русский народ. В наше время Рубинштейн, сильно опасавшийся за будущность европейской музыки, единственный залог её развития видел в том полном самобытных красот музыкальном фонде, какой представляет из себя русская народная песня...”

Первыми песнями в жизни человека были песни обрядовые. Жизнь первых людей зависела от полученного ими урожая. Первобытный человек замечал, что, помимо его желания, независимо от его трудовых усилий, урожай зависит от условий, над которыми он не властен. Главную роль играла погода. Какой она будет: не в меру дождливой или засушливой? Первые песни были песнями магическими, ставящими цель каким-то образом подействовать на природу, задобрить её, а когда человек стал обожествлять природу, то задобрить богов.

Есть и другой взгляд на происхождение песни, выводящий её не из магически-трудовых процессов.

Говоря о певческой речи, следует отметить, что пение это, прежде всего, явление духовное, соединяющее человека с миром духовным, божественным. Существует мнение, что первые люди – праотец Адам и праматерь Ева, – будучи райскими жителями, в раю пели, а заговорили, то есть речь их утратила мелодичность, когда были изгнаны из рая. Природа, не знающая греха, мелодична и до сих пор, будь то завывание ветра или шум водной волны, пение птиц или звуковые сигналы зверей. Согласно Священному Писанию все силы небесные воспевают (а не возглашают) хвалу Господу, то есть более

---

* Нынешняя свадьба – жалкий огрызок от того колоссального действия, которое в давние годы разворачивалось в русских деревнях, причём всего лишь гастрономический её огрызок.

**И. Беллерман (1832–1903) – немецкий музыковед, композитор.

естественное средство общения для человека – пение. Одна из наиболее почитаемых книг Священного Писания – Псалтирь, а псалмы пелись.

Пою Богу моему дондеже есмь...

(Пс. 145)

Воспою Господеви в животе (в жизни) моем...

(Пс. 103)

Постепенно в обрядовых песнях стала выделяться эстетическая сторона, художественная. Наиболее древние земледельческие песни уже имеют главное условие песенности – ритм.

Песни начали отделяться от магической основы и стали цениться сами по себе, за их художественные выразительные свойства. От сельскохозяйственной магии, от воспевания природы люди переходили к отражению событий из их жизни, воспевали героев, людей, выделявшихся из общей массы.

Вначале у песни не было конкретных авторов, исполнение её было хорошим. До конца XVII века в русском обществе искусство было преимущественно церковным. В результате обмирщения русской жизни появляется домашнее музицирование – для себя, для семьи, для круга знакомых.

В начале XIX века появляется, как называют её музыковеды, литературная песня. Если нам неизвестны авторы песен “Ой вы, горы Воробьёвские”, “Не одна в поле дороженька пролежала” и т. п., то авторы песен “Среди долины ровныя”, “Тонкая рябина”, “Помню, я ещё молодухой была” известны (А. Мерзляков, И. Суриков, Е. Гребёнка).

Одним из поздних приобретений русской песенной культуры была солдатская строевая песня. Ещё в XIX веке рядовой состав армии состоял из крестьян. В строю пели обычные песни, из своего крестьянского быта. В романе Л. Н. Толстого “Война и мир” солдаты в походе поют “Ах вы, сени, мои сени...” Слияние песни и строго ритмизованного строевого шага происходит позднее. Появление строевых песен в их нынешнем виде можно отнести к эпохе Кавказской войны (“Шамиль вздумал бунтоваться в прошедшие годы...” или “Приветствуем с благоговеньем трофеи славы боевой...”). Примером строевой песни, словно перенесённой из XX века в XIX-й, служит песня Вяземского полка (“Споёмте, братцы, про победы да про дела былых времён...”).

Начало пути

Октябрьская революция, как бы к ней ни относиться – восторгаться или проклипать, – была явлением мирового масштаба, с неё начался отсчёт и нашей новой истории, и истории песни.

Прежний гимн – “Боже, Царя храни...” – был запрещён. Что же пели люди, пока своих (советских) песен не было? Пелись все те революционные песни, о которых говорилось выше, запрещённые при старом режиме. Необыкновенный успех имела “Дубинушка” в исполнении Ф. И. Шаляпина. Она и раньше пелась им в концертах, но то было пение с подтекстом, а сейчас подтекста не было, все чувства проявлялись открыто*.

В 1918–1919 годах издательство ВЦИК выпускает сборник “Боевые песни коммунистов” и серию нотных листовок с отдельными песнями. Звучит революционная песня и на концертах этой поры, особенно на “концертах-митингах”. Определённую роль в пропаганде революционной песни сыграли и так называемые “революционные празднества” в дни “красного календаря”, массовые театрализованные “действия” по примеру празднеств Французской революции, которыми увлекались тогда как наиболее массовой формой театрального искусства. Ареной их были площади, количество участников доходило до 10 тысяч.

Потребность в песне была большой. Всё время “Интернационал” и “Марсельезу” петь не будешь. Красноармейцы поздней вспоминали, что на привале, на отдыхе петь хотелось, но новых песен не было, тогда пели старые, о Степане Разине, о Емельяне Пугачёве, переделывали прежние

* Вспоминал ли Ф. И. в Париже, с каким вкусом он пел: “На врагов своих поднял дубину”? В глазах новой власти врагом-то оказался он сам, вынужденный бежать за границу. Хотя, конечно, никогда он не был ей врагом, великий сын русской земли.

строевые... Итак, песня “Гей, да по дороге” получилась из старинной солдатской песни:

*Эх, в Таганроге, в Таганроге
Случилась беда...*

В спектакле “Дни Турбиных” по пьесе М. Булгакова герои поют:

*Так за Совет Народных Комиссаров
Мы грянем громкое: “Ура, ура, ура!”*

Современные зрители склонны считать эти слова авторской находкой, но драматург шёл от жизни, песня, созданная на стихи А. Пушкина в начале Первой мировой войны, существовала в гражданскую войну с таким текстом.

Самым могучим источником массового песнетворчества была Красная армия. Первую конную армию называли колыбелью советской песни. Называли не зря. Именно в Первой конной появилась на свет первая советская песня “Марш Будённого” (слова Н. Асеева, музыка братьев Покрасс). Впервые она прозвучала 8 января 1920 года. Ноты изданы в 1922 году. “Мы красные кавалеристы, и про нас // Былинники речистые ведут рассказ...” Это была вполне оригинальная песня, со своими словами и мелодией. Это важно. Потому что, если мелодия нравилась, то, не задумываясь, к ней писали свои слова. В большинстве, у первых советских песен мелодии чужие. Проблема плагиата в данном случае не стояла. Так, для песни “Смело, товарищи, в ногу...” взят мотив немецкой песни, которая в Германии пелась на слова:

*Brüder in Zechen und Gruben,
Brüder ihr hinter dem Pflug,
Aus den Fabriken und Stuben,
Folgt uns' res Banners Zug.*

*(Братья, в цехах и заводах,
В шахтах и на рудниках,
Гордо и смело несите
Красный со свастикой флаг.
Вольный перевод автора. – Р. Б.)*

Мелодия песни “Вперёд, заре навстречу...” (1922) взята от немецкой песни XVIII века; песня “Взвейтесь кострами, синие ночи!...” (1922), хотя и написана композитором С. Ф. Кайданом-Дёшкиным, но в основу её мелодии положен марш из “Фауста” Ш. Гуно. Чтобы закрыть тему заимствований (далее советская песня становится самостоятельной), приведём такой факт. В 1921 году, по данным Советской музыкальной энциклопедии, композитор Ю. Хайт написал “Марш авиаторов” (“Мы рождены, чтоб сказку сделать былью...”), который в 1933 году стал официальным маршем советских ВВС. Но в немецком кинофильме “Ханс Вестмар”, в начале второго часа его звучания оркестр по нотам (!) явственно играет знакомую нам мелодию. В 1935 году выходит знаменитый фильм Лени Рифеншталь “Триумф воли”. В эпизоде, показывающем утро в лагере гитлерюгенда, отчётливо звучит начало “Марша авиаторов”. Л. Рифеншталь не писала музыку. Взять для своего фильма цитату из песни советского композитора, учитывая его национальность, она не могла, д-р Геббельс, опекавший киноискусство Третьего рейха, ей бы подобной дерзости не спустил. Так кто у кого заимствовал мелодию?

Октябрьская революция – событие мирового, вселенского масштаба. В ряде советских песен звучат “космические”, планетарные интонации:

*На штыки под набат и пожар
Мы земной опрокинули шар...
.....
Плавим землю, как старый чугуун,
На кострах всенародных коммун...*

По аналогии вспоминается: “Мы разжигаем пожар мировой, // церкви и тюрьмы сровняем с землёй”. Летом 1920 года зазвучала песня “Красная армия всех сильней”. Музыка Самуила Покрасса, слова П. Григорьева (псевдоним Горинштейна).

Вместе с миром на военных фронтах наступило затишье и на песенном фронте. Новых песен не было слышно. Пели по привычке “Марш Будённого”, “Красную армию”, после 1922 года запели частушечные “Проводы” Д. Бедного, появилась “По долинам и по взгорьям” на слова А. Парфёнова (о том, что это перепев песни белогвардейского Дроздовского полка, разумеется, все дружно помалкивали). Надо прямо сказать, не густо. Видный историк советской песни А. А. Сохор* сетовал, что “11 лет, прошедших в обстановке мирного строительства, оставили в песенном творчестве менее заметный след, чем трёхлетие суровых испытаний и жестокой борьбы...”

Бывают такие моменты в жизни народа, когда он молчит, словно осмысливая произошедшее, собираясь с силами. Ведь поют не поэты, композиторы и певцы, поёт народ, а поэты, композиторы и певцы – всего лишь выразители народной души.

Продолжали пропагандироваться песни гражданской войны, но жизнь ушла вперёд, она требовала иных слов, иных мелодий. Значительный вклад в дело собирания и издания песен гражданской войны внёс А. А. Александров, организовавший при ЦДКА ансамбль красноармейской песни.

А рядом цвело искусство времён нэпа. Издательство Музторга поставляло на музыкальный рынок пластинки с интригующими названиями: “Джон Грэй”, “Мичман Джонс”, “Огни притона так заманчиво мигают...”. В сезоне 1925–1926 годов состоялось первое в стране выступление зарубежного джаза, а через два года (1929) Л. Утёсов организовал первый советский джаз-оркестр, в репертуар которого, наряду с обычной джазовой литературой, вошли одесские блатные песенки.

Начало взлёта

Но во второй половине 30-х годов происходит взрыв, всплеск песенного творчества, породивший явление советской песни.

Почему же оказался возможным этот неслыханный взрыв песенной энергии?

Одна часть ответа лежит в истории души русского народа, в его природной песенности, о чём говорилось выше. Вторую часть ответа находим в первых десятилетиях жизни народа советского. Страна Советов переживала тогда своё второе рождение. В прошлом осталась гражданская война, разруха, сумятица идеологических столкновений. Внутренняя обстановка стабилизируется, наиболее яростные схватки внутри партии, потребовавшие многочисленных жертв, позади, первые пятилетки приносят ощутимые плоды, пережив невзгоды коллективизации, крепко встаёт на ноги сельское хозяйство, жизнь на глазах изменяется в лучшую сторону.

*Звонки, как птицы, одна за другой
Песни летят над советской страной.
Весел напев городов и полей:
Жить стало лучше, жить стало веселей.*
(В. Лебедев-Кумач – А. Александров)

Перед людьми открываются невиданные жизненные перспективы. Сын скорняка может стать полководцем (Г. Жуков), сын пахаря – генеральным авиаконструктором (С. Ильюшин), сын бурового мастера – всемирно известным оперным певцом (П. Лисициан)... Простой шахтёр, в былые годы обречённый всю жизнь рубать за гроши уголёк, становится всенародным героем (А. Стаханов).

Душа народная раскрылась навстречу ожидаемой радости и запела. “От избытка сердца глаголят уста” (Мф. 12. 34).

---

* Эта часть монографии целиком основана на его капитальном труде, посвящённом советской песне. Сохор Арнольд Наумович (1924–1977) – советский музыковед, общественный деятель.

Советский народ запел от избытка любви. Народ любил свою социалистическую Родину, созидательный труд, своих вождей, армию, свою семью, друзей и друзей.

В 1934 году прозвучала крылатая строка: “Нам песня строить и жить помогает...” Именно в 30-е годы взвились над страной великие лучезарные песни: “Широка страна моя родная...” (В. Лебедев-Кумач – И. Дунаевский) и “Утро красит нежным светом...” (В. Лебедев-Кумач – бр. Покрасс).

6 июля 1935 года в ЦПКИО им. М. Горького в Москве состоялся первый “советский карнавал” – “праздник величайшей бодрости и радости”, как писали о нём газеты. За ним последовали карнавалы и гулянья по всей стране.

Все эти праздники не обходились без песен. Для Всесоюзного физкультурного парада И. Дунаевским был специально написан “Марш физкультурников” (“Страна дорогая, Отчизна родная, // Цвети, улыбайся и пой”).

Нельзя назвать какой-то один источник, породивший феномен советской песни. Несомненно, главное – это природная певучесть народа, предрасположенность русского человека выражать свои чувства, переживания в песне. Советская песня вобрала в себя литературную русскую песню (повествовательность, балладность), революционную песню (энергия, напор, оптимизм, гражданственность), исторические солдатские песни (любовь к армии, гордость за подвиги, жертвенность). Всё это, вместе взятое, оплодотворённое новым общественным порядком, обогащено идеей построения нового, невиданного общества, в котором изначально присущая русским любовь к Родине соединилась с любовью к государству, к его вождям (естественно, с идеализацией их), с мечтой о построении справедливого мироустройства, со стремлением к плодотворному, ударному труду, к подвигу.

В поэтике советской песни слились воедино, как в гигантском миллионгорлом богатырском хорале, песни трудовые, ударные, политые солёным потом; разбойничьи, лихие, безжалостные; строгие, как молитвы, суховатые державные гимны; удалые, залихватские солдатские шаговые распевы и любовные, с тающим сердцем и жаркой затуманенной головой.

Песня – многофункциональный вид искусства. Первая, самая очевидная её функция – агитационная. Возьмём наиболее известную, и поныне поющуюся революционную песню “Интернационал”. Главная мысль этой песни – призыв разрушить мир насилия и построить наш новый мир. Все прочие слова, присутствующие в песне, сопутствуют этой мысли, призывают к воплощению её в жизнь. Таковы же песни-агитки “Рабочая “Марсельеза”, “Варшавянка”, “Замучен тяжёлой неволей”... Большого от этих песен и не требовалось, они просты, не совершенны художественно. Александр Блок стихи “Рабочей “Марсельезы” называл прескверными. Правда, тут же он признавался, что “они корнями выросли в русское сердце, их вырвешь не иначе, как с кровью”.

Песня несла функцию не только агитационно-пропагандистскую, она общала о всех крупных событиях, произошедших в стране. Были сложены песни о событиях у озера Хасан, у реки Халхин-Гол, о советско-финской войне, о событиях в республиканской Испании, о подвиге полярников-папанинцев, о спасении ледокола “Челюскин”, об освоении целины, о строительстве сибирских ГЭС...

Говоря о воспитательной функции песни, хочется обратить внимание на то, как изменилось в СССР в сравнении с дореволюционными годами отношение к армии и военной службе. Совершенно переменялось мироощущение человека. Немыслимы были в советской стране песни вроде “Последний ношенный денёчек // Гуляю с вами я, друзья...” В армию шли если не с радостью, то с сознанием необходимости, неизбежности. Как меня провожали в армию? Накануне была “отвальная”. В самый день попрощался я с отцом (сухо попрощался, не было нежности к отцу, о чём сейчас со слезами жалею, да поздно), пожал ему руку, мать проводила меня до призывного пункта, до вокзала. Шла одна по тротуару, а мы – строим – по дороге. И никаких слёз. Не как в той песне: “Заплачет вся моя семья...” Правда (мать потом, через год рассказала), с вокзала, когда домой шла, вся улилась. Её женщина проходящая утешала: “Придёт он, вернётся...” Но чтобы вся семья – такого не было. И в песне пелось (прошу прощения за большой временной скачок):

*К нам разлука приходит впервые,
Первый раз вы от нас далеко.
Нет войны, вы вернётесь живые,
Но без вас всё равно нелегко.*
(К. Ваншенкин – Э. Колмановский)

И в помине не было, как пелось в дореволюционной частушке:

*Как на Вологду дороженька
Слезами полита.
Как по этой по дороженьке
Поедут рекрута.*

В советской песне звучали иные настроения:

*Мы дождались желанного года,
Мы под красное знамя встаём.
Сыновья трудового народа,
Мы народу сейчас подпоём.*
(В. Соловьёв-Седой – А. Новиков)

Песня выполняла функцию эстетическую: она воспитывала у слушателей литературный, музыкальный вкус. На центральном радио была передача “Разучиваем песню”. Диктор громко, размеренно диктовал строчки куплета. Затем повторял весь куплет полностью. Затем этот куплет пелся хором или солистом. То же самое происходило со вторым, третьим и четвёртым куплетами (пятый и другие были редки). Пелся каждый куплет. Затем пелась вся песня полностью, затем снова читался весь текст. И ещё раз пелась вся песня.

Не пропустим и развлекательную функцию советской песни. Или, как позднее её стали называть, лёгкую музыку – песни О. Строка “Лунная рапсодия”, “Былое увлеченье”, И. Жака “Андрюша”, Е. Розенфельда “Счастье моё”, В. Сидорова “Дружба”, В. Козина “Осень”, “Любушка” и др.

Но самой главной функцией советской песни (не всеми, конечно, сознаваемой) была, как это ни нелепо на первый взгляд прозвучит, функция религиозная. СССР официально числился государством атеистическим. Причём не просто атеистическим, а атеистическим агрессивно. Вера в Бога была объявлена чуждой государству рабочих и крестьян и подлежала искоренению как вредный предрассудок. Но объявить и провозгласить можно что угодно, однако чувство бытия Божия, чувство любви к Нему не подвластно никаким запретительным декретам и законам. “Дух дышит, где хочет” (Ин. 3.8.). Религиозное чувство жило в народной душе, требовало выражения, и таким средством выражения прикровенно являлась советская песня. В песнях о Родине, о природе советский человек выражал своё восхищение красотой мира Божия. В песнях о вождях, героях он выражал свою любовь к земной власти, к людям, воплощавшим и хранящим её. В песнях о любви люди пели о высоком чувстве, без которого не может жить человек.

Об этом пишет и епископ Тихон (Шевкунов): “Массовая песня была поразительной сублимацией (замещением) молитвы. В то время как люди были оторваны от Церкви и духовной жизни, их живая и болезнующая душа искала и находила доступные ей формы чистого и высокого чувства устремления к чистоте, к неведанному ею Богу”.

Наиболее ярко и полнозвучно это советское религиозное чувство выразилось в величавой песне-гимне “Широка страна моя родная...” (В. Лебедев-Кумач – И. Дунаевский, 1936).

1937 год был самым урожайным в отношении песен годом. Музыковеды отмечают громадный количественный рост песенного творчества. Наибольшую популярность приобрели песни лирические – “Катюша”, “И кто его знает...”, “Любимый город”, “Спят курганы тёмные...”, “Парень кудрявый” и др.

Так, “в буднях великих строек” жила советская страна, “свободная родина вольных людей”, “страна мечтателей, страна учёных” строила, творила невиданные полёты, “в Ледовитом океане, среди северных смерчей” проводила полярные экспедиции, горела над нею “озаряющим светом советская наша звезда”, страна трудилась, мечтала и пела.

Великая Отечественная война в песне. Взлёт

Возможно, наше утверждение кое-кому покажется парадоксальным, но именно в годы Великой Отечественной войны советская песня достигла наивысшего взлёта. На фронте бойцы поражали врага оружием, в тылу народ собирал и напрягал последние силы, чтобы армия устояла. В этом беспрецедентном напряжении сил физических и духовных народ исторг из своей души песенные шедевры, которые живы до сих пор.

В той войне в первые же дни с бойцами Красной армии песня вышла на передовые позиции. Как могучий орёл, взметнулась “Священная война” (В. Лебедев-Кумач – А. Александров), зазвучали “Вставай, патриот, на защиту страны...” (В. Лебедев-Кумач – З. Дунаевский), “Стелются чёрные тучи, // Молнии в небе снуют...” (А. Сурков – В. Белый), “Весь народ встал и гордо, и смело, // Как орёл, на защиту гнезда. // Никому нас рабами не сделать, // Никому, ни за что, никогда” (В. Лебедев-Кумач – бр. Покрасс), “Твёрже шаг, ряды держите строже, // С нами Сталин, с нами весь народ!” (В. Лебедев-Кумач – И. Дунаевский).

В Красной армии нельзя было услышать того, о чём пелось в вальсе “На сопках Маньчжурии”:

*Плачет, плачет мать родная,
Плачет молодая жена,
Плачет вся Русь, как один человек,
Злой рок и судьбу кляня.*

В Первую мировую пелась песня “В военной госпитали солдатик умирал...” Написанная в глухом, душу раздирающем миноре, она повествовала о предсмертных муках воина и заканчивалась так:

*Вдруг вытянулось тело,
Тяжело вздохнул.
И покуда пела,
Он навек уснул.*

В Красной армии такая песня была невозможна. Во-первых, советского солдата никто бы не назвал солдатиком, в песне о фронтовых событиях неуместно сюсюканье; во-вторых, с каким настроением после такой похоронной песни солдату идти в бой? Поэтому в Красной армии пели:

*Не к лицу бойцу кручина,
Места горю не давай!
Даже если есть причина,
Никогда не унывай!
(С. Алымов – А. Новиков)*

или:

*Повстречали, огнём угощали,
Навсегда уложили в лесу.
За великие наши печали,
За горячую нашу слезу.
(М. Исаковский – В. Захаров)*

В годину войны со смертельным врагом советская песня развернулась во всю мощь и ширь. Слагались торжественные гимны “Священная война”, “Святое Ленинское знамя” (О. Колычев – А. Александров), “Нас воля Сталина вела” (А. Сурков – В. Мурадели), строевые песни для разных родов войск – “Марш артиллеристов” (В. Гусев – Т. Хренников), “Пора в путь-дорогу” (С. Фогельсон – В. Соловьёв-Седой), “Песенка фронтового шофёра” (Б. Ласкин – Б. Мокроусов), “Песня фронтового корреспондента” (К. Симонов – В. Лебедев-Кумач – А. Лепин), “Два Максима” (В. Дыховичный – С. Кац). Пелись лирические песни, хотя, казалось бы, какая лирика на войне, когда

“до смерти четыре шага”, и совсем рядом – кровь и страдания. Но пели и “Землянку” (А. Сурков – К. Листов), и “Вечер на рейде” (А. Чуркин – В. Соловьёв-Седой), и “Соловьи” (А. Фатьянов – В. Соловьёв-Седой), и “На позицию девушка // Провожала бойца...” (М. Исаковский – муз. народная), и “В лесу прифронтовом” (М. Исаковский – М. Блантер), и “Смуглянку” (Я. Шведов – А. Новиков).

Во время войны происходили глубинные сдвиги в народном сознании. Жизнь заставляла обращаться к корням, к русскому патриотизму. С советским патриотизмом, – которому была без году неделя, это он позднее, к 1945 году возмужает и окрепнет, – можно было бить японцев у озера Хасан и при Халхин-Голе.

Как пелось в песне:

*Вы не суйтесь, самураи,
С красным войском воевать.
Никогда в советском крае
Самураям не бывать.*
(А. Жаров – В. Мурадели)

Но сейчас нам предстоял совсем иной враг. Японцы, по большому счёту, были заурядные разбойники: ворвались, пограбили и умотали восвояси. Гитлер прямо заявлял, что он намерен истребить русский народ, славянское племя (откуда непомерные потери именно среди мирного населения). Враг стоял под Москвой, гибель грозила не только государству – всему народу. Поэтому и прозвучали с Мавзолея – государственной трибуны – имена Александра Невского и Дмитрия Донского, Александра Суворова и Михаила Кутузова, имена тех, кого в не столь далёкие 20-е годы именовали феодалами, крепостниками и царскими прислужниками.

Поэтому и появляются песни с забытыми, но оказавшимися такими необходимыми словами:

*Они жизни не щадили,
Защищая отчий край, страну родную.
Одолели, победили
Всех врагов в боях за родину святую.*
(А. Коваленков – М. Блантер)

Раньше, до войны, слово святая употреблялось преимущественно в кавычках, как величина условная, а в песне показательна и рифма: родную – святую. То есть родное свято без всяких кавычек.

После войны

“Придёт конец войне, придёт конец походам...” В честь нашего вождя, в честь нашего народа был дан радостный салют. Окончилась самая страшная война. Миллионы погибли на фронте и в оккупации, миллионы остались инвалидами, миллионы женщин овдовели, а миллионы детей стали горькими сиротами, но народ-богатырь пел всем смертям назло.

Продолжали писаться песни о Родине (“Под лучезарным небосводом, // В сиянье солнца золотом...” (Л. Ошанин – А. Новиков), “Много войска и народа, // Площадь Красная полна...” (В. Лебедев-Кумач – бр. Покрасс), “Родина, мои родные края!...” (Ю. Полухин – С. Туликов); о вождях (“Мы все поём хвалу твоим делам, // Живи, наш вождь, живи на радость нам...” (А. Сальников – В. Мурадели), о Москве “Я по свету немало хаживал...” (С. Агранян, М. Лисянский – И. Дунаевский), “Друзья, люблю я Ленинские горы...” (Е. Долматовский – Ю. Милютин), о друзьях-товарищах (“Майскими короткими ночами, // Отгремев, закончились бои...” (А. Фатьянов – В. Соловьёв-Седой), “Забуду я годы минувших боев, // Названия пройденных рек и лесов...” (Я. Зискинд – М. Табачников), “Я волнуюсь, услышав французскую речь...” (Е. Долматовский – М. Фрадкин) и поистине море лирической песни. Душа народа, погрузившаяся в войну в неисчерпаемую бездну страданий, омывшаяся буквально морями слёз (а слёзы продолжали литься ещё не одно

десятилетие после Победы), мечтала об отдохновении, жаждала ласки, тепла. Люди помнили о страданиях войны, их невозможно было забыть, но не хотели вспоминать, сторонились их. Видимо, поэтому так неприветливо была встречена критикой песня “Враги сожгли родную хату” (М. Исаковский – М. Блантер), хотя на улицах городов было полно одноногих и одноруких молодых солдат-инвалидов, а в поездах однорукий инвалид вёз за собой на тележке своего безногого и слепого несчастного сотоварища, и он что-то пел диким, сорванным голосом, выпрашивая подаяние. Народ хотел другого, пусть красивой сказки, пусть приукрашенной картинкой, того, чего нет в жизни, но обязательно будет. Потому пользовался громадной популярностью кинофильм “Кубанские казаки” с его трогательными, нежными песнями. Да, много красивых, мелодичных песен родилось тогда: “Ой, цветёт калина...” (М. Исаковский – И. Дунаевский), “Каким ты был...” (М. Исаковский – И. Дунаевский), “С той поры, как мы увиделись с тобой...” (В. Лебедев-Кумач – В. Соловьёв-Седой), “Сормовская лирическая” (Е. Долматовский – Б. Мокроусов), “Моя родная сторона” (С. Фогельсон – В. Соловьёв-Седой), “Поёт гармонь за Вологодой...” (А. Фатьянов – В. Соловьёв-Седой), “Где ж ты, мой сад?...” (А. Фатьянов – В. Соловьёв-Седой), “Марш нахимовцев” (Н. Глейзеров – В. Соловьёв-Седой) и т. д., и т. д. Но я никогда не слышал, чтобы в компаниях пелось о том, что “на груди его светилась // Медаль за город Будапешт...” Я услышал об этой песне от В. П. Астафьева, солдата-фронтовика, где-то в середине 70-х годов. Примерно тогда она вновь зазвучала на радио.

Советскую песню создавали люди разных национальностей: русские – М. Исаковский, А. Фатьянов, А. Александров, В. Соловьёв-Седой; армяне: В. Мурадели, А. Долуханян, А. Бабаджанян, Ж. Татлян; евреи: И. Дунаевский, М. Блантер, С. Кац, С. Фогельсон; украинцы: П. Майборода, Д. Гнатюк; грузин С. Цинцадзе; азербайджанцы: Р. Бейбутов, М. Магомаев; белорусы: И. Лученок, В. Мулявин; нанаец Кола Бельды; эстонец Г. Отс (всесоюзное признание он получил преимущественно как песенный, а не оперный певец); киргизка Роза Рымбаева; латыши И. Яунзем и Р. Паулс.

Сталинские премии за песенное творчество присуждались композиторам братских республик: А. Кос-Анатольскому и П. Майбороде (Украина), Б. Кырнеру (Эстония), С. Рустамову (Азербайджан), А. Сатяну (Армения), С. Цинцадзе (Грузия).

Поэтому советская песня именно советская, а не какая-либо иная. Её создавал весь советский народ.

1960-е годы памяты эпопеей целины... Энтузиазм молодёжи, по природе своей любящей путешествия, был искренен. И вылился в песни: “Родины просторы, горы и долины...” (Н. Солохин – Е. Родыгин), “Мы пришли чуть свет // Друг за другом вслед...” (Э. Иодковский – В. Мурадели), “Не для тебя ли в садах наших вишни...” (А. Фатьянов – А. Лепин), “Наши чувства крепки, // Как степные дубки...” (Е. Долматовский – А. Лепин).

Потом оказалось, что целина была скороспелой, необдуманной авантюрой, как и многие начинания Н. Хрущёва. Выбросили на ветер миллионы рублей из не такой уж тугой советской кошницы, а самое главное – потрачена впустую энергия молодых сердец.

Молодёжь не сидела на месте, она ехала на великие стройки гидроэлектростанций. Возник сибирский цикл песен А. Пахмутовой. Сейчас вспоминается, как чудо, что молодёжь пела на улицах. Был поздний летний вечер. Я шёл по Советскому проспекту, впереди меня шли три девушки и пели “А в тайге горизонты синие, // ЛЭП-пятьсот – не простая линия...” (Н. Добронравов – А. Пахмутова).

А задорный призыв “Главное, ребята, сердцем не стареть...” (Н. Добронравов – А. Пахмутова) – он ведь и сейчас остаётся в силе!

Памятен цикл лирических песен на стихи Л. Ошанина, музыка А. Островского “А у нас во дворе...”

Полёт Ю. Гагарина проложил трассу космическим песням. “Я – Земля” (Е. Долматовский – В. Мурадели), “Песня о дублёрках” (И. Шаферан – О. Фельцман), “Я верю, друзья...” (В. Войнович – О. Фельцман). Наполнилась новым смыслом песня, которую пел Ю. Гагарин в полёте: “Родина слышит, родина знает...” (Е. Долматовский – Д. Шостакович).

Шли месяцы, годы, одно время года сменяло другое, а в памяти та пора осталась воспоминанием сплошной, бесконечной весны.

Надо признать, что советская песня не было равноценна, вместе с шедеврами, с музыкой высокого качества сосуществовала халтура, невзыскательный музыкальный мусор. Песня отражала жизнь, а в жизни есть всё. Рядом с широкими, просторными и светлыми магистралями ютятся задворки, помойные ямы. В одно время с гимном “Я – Земля, я своих провожаю питомцев...” по танцевалкам разносилось: “Мой Вася, он будет первым даже на Луне”, с Васей соседился Мишка с улыбкой, “полной задора и огня”, расцветали пресловутые “Ландыши”, переводная “Маленькая Мари” с её неподражаемой пошлостью: “Она ошибки делает вполне...” или “Весёлый Чико”, который прибыл к нам из Пуэрто-Рико. Поэтому так называемые стилиаги появились не на пустом месте.

О стилиагах сейчас штампуются легенды, как о свободолюбивой молодёжи, которая задыхалась в душных рамках тоталитарного СССР и свой протест выражала пристрастием к заграничной одежде, музыке, вызывающим аморальным поведением и т. п. В довоенном Советском Союзе, скорее всего, не было конфликта отцов и детей. Все были едины, заодно, родители и дети. Но уже во время войны стал складываться конфликт внутри поколения. Дети высокопоставленных родителей и дети основной массы населения. Одни дети (сыновья Сталина, приёмный сын Молотова, сыновья Микояна) сражались с врагом, а другие дети (сын наркома Шахурин с друзьями) создавали подпольные группы фашистского толка. Одни дети, чьи родители были капитанами речных судов, медсёстрами, бухгалтерами, военными, железнодорожными проводницами, работниками военкоматов, библиотекарями, механиками самоходок, жили обычной жизнью советских детей, жизнью будущих тружеников, солдат Страны Советов, а другие дети, сыновья и дочери обеспеченных, как их называли, “блатных” родителей, вели особую жизнь и гордились, что они не такие, как все. Сталин чувствовал, видел это расслоение и как-то сказал о советских чиновниках и их детях: “проклятая каста”. В творческом плане стилиаги не дали ничего, их творческое наследие – ноль. Потому что их идеология была в отрицании, в разрушении. На голом отрицании ничего не создашь. И это был тревожный сигнал, что наше общество стало расслаиваться. Сигнал не услышали, его не поняли, посчитали, что просто часть молодёжи с жиру бесится. А движение стилиаг было идеологической диверсией, первым масштабным наступлением на советскую культуру. И один из главных ударов наносился по советской песне. Проталкивали, поддерживали чужое, создавали моду, а против моды устоять трудно.

Ползучая идеологическая интервенция приносила плоды, отравляла души советских людей. Человеческая природа устроена так, что человеку мечтается, мнится, что есть где-то такие места, где жизнь устроена легче и лучше, чем у него дома. На этом играли. И народ поддался, поверил. Кого-то одного в катастрофе винить нельзя. Нельзя думать, что пришли гады Горбачёв, Ельцин и всё испортили, а мы ни при чём, мы все хорошие и добрые. Развал Советского Союза – наша общая вина, каждый из нас повинен в гибели великого государства в большей или меньшей мере.

Но песня ещё жила. В годы так называемого “застоя” неувядаемой А. Пахмутовой была написана “Беловежская пуща”, а также эпическая песня “Поклонимся великим тем годам”.

В страшные, кровавые октябрьские дни на баррикадах Дома Верховного Совета последней сопротивлялась песня. Люди, преданные своей властью, пели советские песни... Пели песни страны, в которой они родились, выросли, которую защищали, но которой уже не было.

Испытания песни

Страшно и стыдно вспоминать те годы. В перестройку советская песня, как и всё советское, не избежала общей участи, подверглась осмеянию и клевете. Такого вала лжи, клеветы, оголтелого вранья о своей истории вряд ли переживал какой-либо народ. Великие достижения страны отрицались, победы в боях пересматривались, переоценивались, великая победоносная армия, освободившая весь мир от фашистской чумы, изображалась бандой насильников, солдаты, прошедшие от Москвы до Берлина, представлялись тупой, не рассуждающей людской массой, *лушечным мясом*. Юные герои и героини изображались роботами, покорно исполнявшими бессмысленные приказы. Не было любви к Родине, подвигов самопожертвования, была бойня, безжалостная мясорубка...

Конечно, досталось, в первую очередь, песням, воспевавшим державу. Их ни отрицать, ни замолчать было невозможно. Оказывается, “композиторы и поэты писали песни из страха. Их принуждали сочинять бодрые весёлые песни”. Так могли говорить люди, абсолютно ничего не понимающие в природе творчества. По принуждению не создать высокого произведения искусства. Творчество – процесс свободной души.

Бессовестные люди (они и сейчас живут среди нас) заявляли, что песня-гимн “Священная война” была написана ещё в 1914 году и украдена поэтом (В. Лебедев-Кумач) и композитором (А. Александров). Нелепицу о краже “Священной войны” мне доказывал человек в должности губернатора. Потомки В. Лебедева-Кумача даже подали в суд, чтобы защитить доброе имя поэта. И суд вынес решение в их пользу.

Не гнушались наши враги и прямых фальсификаций. Ссылались на “Интернационал”, в котором будто бы есть слова “весь мир ... мы разрушим до основания”. Расчёт делался на то, что “Интернационал” поют сейчас редко и большинство слушателей радио и телезрителей не знают, что там, где нами поставлено многоточие, звучит слово, в корне меняющее смысл строки. “Весь мир **насилия** мы разрушим до основания, а затем // Мы наш, мы **новый** мир построим...” Да, для того, чтобы разрушить мир **насилия**, без него, без самого насилия не обойтись, но в итоге смысл песни созидательный.

Желая как можно больней лягнуть советский строй, люди грамотные, с учёными степенями проводили параллели СССР с фашистской Германией, утверждали, что между советской песней и песнями Третьего рейха существует родство, – системы-то были тоталитарные! Говорили, не давая себе труда задуматься и увидеть, что между двумя нашими странами существует непреодолимое различие. Хотя бы на уровне песни. В советском песенном фольклоре мы не найдём ни одной песни с тем духом шовинизма, высокомерным духом выпячивания национального, какой сквозит в песне “*Deutschland, Deutschland uber alles*”, которая была (да и сейчас является, правда, усечённая до одного куплета) немецким государственным гимном. Сравните с Гимном СССР. Небо и земля. День и ночь. Неспроста в фашистской Германии проводились ночные факельные шествия. В СССР все праздники проходили днём, при свете солнца.

Вроде бы о чём тут говорить, всё ясно. Песня мобилизовывала, объединяла людей, все были одним советским народом, одной семьёй. Когда я служил в армии в Латвии, мы пели в Риге и Валмиере (туда в 1966 году переехала наша рота):

*Эх, Россия, любимая земля, земля,
Родные берёзки да поля...*
(В. Лебедев-Кумач – Н. Богословский)

И никого это не смущало, мы чувствовали себя действительно дома.

Однако советская песня как порождение чистого, искреннего, от самого сердца идущего искусства, помимо своих главных функций, выполняет ещё одну. Она говорит правду о том времени, когда была создана, и этой правдой разоблачает многие мифы, сложившиеся в перестроечное время, претендовавшие на долговечность.

Становится очевидным миф о том, что якобы никакой дружбы народов в СССР не было, была показуха. Но дружба была, и не на словах, а на деле. Невозможно, даже смешно представить, чтобы в Америке дети в дошкольных учреждениях разучивали песни американских индейцев, алеутов или эскимосов. А в Советском Союзе дети в школах разучивали азербайджанские песни (“Ай, яй чучаляли. // Цып-цып, цып-цып, чуляли...”), чешские (“Дуй, пастух, в дудочку...”), польские (“Как-то на опушке // Собрались подружки...”), украинские (“Три весёлых гуся”), белорусские (“Наша перепёлка”), немецкие (песня о маленьком барбанщике). Когда я служил солдатом, мы пели в строю песню латышских стрелков: “*Lai Riga atkal dimdet sak*”^{*}.

^{*} Первый вселатышский праздник песни с разрешения царского правительства состоялся в 1864 году, когда в Латвии верховодили остзейские немцы. Насколько более демократичным, отвечавшим запросам свободы, было русское правительство, поощрявшее всё латышское, и как отличается от него правительство нынешнее, подавляющее всё русское и без конца жующее чужь о какой-то советской оккупации. Русские живут здесь с XII века.

Из детских песен выростали песни взрослого звучания: “Русский с китайцем — братья навеки, // Крепнет единство народов и рас...”, “Навеки вместе, навеки вместе // ГДР и Советский Союз...”, “Налево мост, направо мост, // И Висла перед нами...”, “Пусть летит от родных московских мест // Мой привет в Бухарест, в Бухарест...”, “Моя Индонезия” (“Морями тёплыми омытая, // Лесами древними покрытая...”), о Кубе (“И говорит вдохновенно Фидель: // “Мужество знает цель!..”). Ансамбль А. Александрова в годы войны пел для союзников:

*Долог путь до Типперери,
Долог путь домой.
Долог путь до милой Мери
И до Англии родной.*

или:

*Зашёл я в чудный кабачок, кабачок.
Вино там стоит пятачок, пятачок.
С бутылкой там сажу я на окне,
Не плачь, милашка, обо мне.*

Эти песни сочинялись и разучивались совершенно естественно, не из чувства какого-то советского милитаризма, а из чувства всечеловечности русского народа, о котором проникновенно говорил ещё Ф. М. Достоевский.

Рушится лживый, клеветнический миф о гонении на джазовую музыку. Будто бы в СССР имела хождение поговорка: “Сегодня он играет джаз, а завтра Родину продаст”. Во-первых, Родину можно продать и не под джазовую музыку. Во-вторых, я прожил в СССР без малого 50 лет, но этих слов не слышал, они детище перестройки. В-третьих, куда ж мы денем **государственный джаз** — оркестр Л. Утёсова (основан в 1929 году), О. Лундстрема (в 1934-м), В. Кнушевицкого (в 1937-м). Оркестры эти и многие другие никогда не закрывались.

Миф о гонении на джаз — производный от более широкого (и такого же лживого) мифа о том, что в СССР было запрещено всё. Это дикое, истинно безумное утверждение я услышал по радио и подумал: “В своём ли уме человек, несущий такую околесицу?” Ведь **запретить всё** невозможно. Это значит — запретить жизнь, а это ни у кого не получалось (хотя охотников было много, от Гитлера до Рейгана) и не получится.

Советская песня развенчивает бред об антисемитизме советского народа. Просто назовём тех евреев, что создавали советские песни. Поэты: Дж. Алтаузен (Альтзон), М. Голодный (Эпштейн), Е. Долматовский (Сталинская премия 1950), Б. Ласкин...

Композиторы: гениальный И. Дунаевский (Сталинская премия 1941, 1951), братья Покрасс (Сталинская премия 1941, Дмитрий), М. Блантер (Сталинская премия 1946), С. Кац (Сталинская премия 1950), Я. Френкель, О. Фельцман, А. Островский, В. Шаинский...

Исторические приключения песни

Песня — явление историческое. Исторические изменения в жизни, как правило, отзывались в песне. Показательный пример — “Песня о Красной армии”. Написана она в 1945 году. Первоначальный текст:

*Над тобою шумят, как знамёна,
Двадцать шесть героических лет...*

Но уже вскоре, через два года стала ясна необходимость изменения текста. Слова “двадцать восемь” не влезают в строку. Отказываться от песни — жалко, хорошая получилась песня. Поэтому строку переделали: “Годы наших великих побед”. Это изменения объективные.

Но есть изменения, не вызванные никакой объективной необходимостью. Это идеологические изменения.

Во-первых, происки врагов. Немецко-фашистские захватчики знали силу советской песни и хотели использовать её в свою пользу. Из мемуаров

участников войны мы знаем, что немцы любили петь нашу “Катюшу” (а советские солдаты — немецкую “Lili Marlen”). Менее известно, что немецкая служба пропаганды переделывала тексты наших песен.

“Из номера в номер (в оккупационных газетах. — **Р.Б.**) публиковались переделки советских песен. Катюша уговаривала “бойца на дальнем пограничье” переходить к немцам. “Три танкиста — три весёлых друга”, убив комиссара, это уже сделали.

А это узнаёте?

*Широки страны моей просторы,
Много в ней концлагерей везде,
Где советских граждан миллионы
Гибнут в злой неволе и нужде.*

*За столом веселья мы не слышим
И не видим счастья от трудов,
От законов сталинских чуть дышим,
От засилья мерзкого жидов.*

*Широка страна моя родная.
Миллионы в ней душой калек.
Я другой такой страны не знаю,
Где всегда так стонет человек.*

У Лебедева-Кумача от такого уровня редактуры, возможно, приключился бы инсульт, а наверняка его добил бы “Марш весёлых ребят” (“Легко на сердце от песни весёлой...”). В нём русское крестьянство благодарило Гитлера за то, что стало хозяином на своей земле”^{*}.

Во-вторых, подстраивались к текущей обстановке. Переделывали старые песни на новый лад. “Раскинулось море широко...” пели на новый текст: “Я видел его с автоматом в руках, // Когда в бой пошла наша рота...”

Приделывали новый текст к популярным советским песням. Так, “Три танкиста” пели с текстом “На полях, где шли бои когда-то, // Где гремела грозная война...”

Подобных примеров очень много, известно, например, более двадцати переделок “Катюши”. Это свидетельствовало о любви народа к данной песне, о том, что он не хочет расставаться с нею в новых условиях:

*Разлетались головы и туши,
Дрожь колотит немца за рекой.
Это наша русская “Катюша”
Немчуре поёт за упокой.*

Переделывали и “Броня крепка и танки наши быстры...”

Но эти переделки не шли ни в какое сравнение с последующим уродованием песен. Песни переделывали в угоду партийной верхушке. В 1956 году состоялся XX съезд КПСС. Об этом съезде, который положил начало сокрушению социалистической державы, сложено немало мифов. Один из них тот, что Н. Хрущёв, стремясь к исторической справедливости, выступил с докладом, в котором разоблачил культ личности Сталина, жалея советский народ. Американский историк Г. Ферр в 2006 году (русский перевод 2007 года) выпустил книгу, в которой доказал, что в этом докладе нет ни слова правды, в нём ложь громоздится на ложь. Но тогда этого никто не знал. Кто-то поверил Хрущёву, кто-то — нет, но в стране началась смута, которую назвали “борьбой за восстановление ленинских принципов в жизни партии”. Как-то в этой борьбе умалчивалось, что при Ленине без суда и следствия была расстреляна не одна сотня тысяч людей...

Одним из главных направлений в антисталинской кампании стала чистка песен. Конечно, сперва взялись за гимн Советского Союза с его строкой: “Нас вырастил Сталин на верность народу”. Так как придворным поэтам ничего

^{*} В. Р. Мединский. Война: мифы СССР. М., ЗАО Олма. Медиа Групп, 2011.

в голову не приходило, то гимн просто перестали петь, и в 6 утра и в 12 ночи, когда полагалось встречать новый день и провожать ушедший пением гимна, — и это была инициатива Сталина! — его не пели. Текст со словами “Партия Ленина, сила народная” появился позднее, при Л. И. Брежнев.

Но песен было много. Работа предстояла большая.

В простых случаях Сталина заменяли на Ленина.

Вместо: “Кто Сталина сердцем прочёл” пели: “Ленина”.

Вместо: “Все мы Сталиным воспитаны // В родном своём краю” пели “Все мы партией воспитаны...”

По этому поводу существовал даже анекдот. Приехал сельский житель из Москвы и рассказывает, что был в Москве, очень ему всё понравилось, был он и в Мавзолее, видел там тело Ленина, а рядом с Лениным лежит Партия.

Но чаще всего находили замену.

В “Песне артиллеристов” вместо: “Сталин дал приказ” велено было петь: “точный дан приказ”.

Вместо: “Когда нас в бой пошлёт товарищ Сталин” пели: “Когда суровый час войны настанет” и тут же заодно ликвидировали и К. Ворошилова. Вместо: “И первый маршал в бой нас поведёт” пели: “И нас в атаку Родина пошлёт”.

Народ, конечно, не обращал внимания на хрущёвские выкрутасы и пел канонические тексты. Но борец за историческую справедливость воевал с этой справедливостью беспощадно. И по итогам этой борьбы маршал Д. Устинов дал ему уничижительную оценку, сказав: “Ни один враг не принёс столько бед, сколько принёс нам Хрущёв”.

Но большую часть довоенных и военных песен просто не пели, их насильственно выбросили из жизни. Тема эта ещё ждёт своего исследователя.

Это была официальная борьба с советской песней, но вскоре появилось другая опасность. Начиналось всё безобидно: собирались в дружеских компаниях друзья-приятели, пели под гитару немудрящие самодельные песенки, туристские, студенческие. Движение росло, расширялось, набрало силу, встал вопрос, как называть его, потому что людей собиралось много: сначала десятки, а потом и сотни. Вливаться в самодеятельность они не хотели, они чувствовали себя взрослее, выше самодеятельности. Претендовали на уровень профессионалов. Хотели быть наособицу, отреклись от любого сближения с песней официальной. Некоторые из них не имели музыкального образования и принципиально не хотели получать его.

Но что в итоге? Нуль. Песни у костра так и остались песнями у костра. Народ их не пел и не поёт.

Золотые голоса

У песни, как известно, три творца: поэт, композитор, певец. Чаще всего бывало так: поэт (А. Фатьянов) писал стихотворение, приносил композитору (В. Соловьёву-Седому), он сочинял музыку. Бывало наоборот: композитор — поэт, но это гораздо реже.

Затем вступал в дело певец. Как услышит песню слушатель, как она ляжет ему на душу, теперь зависело от него. Особенно явно это видно сейчас, когда развелось столько безголосых людей, именующих себя певцами, они гнусят, блеют, пришепётывают, мяукают, они обладают всеми дефектами певческого голоса, с какими человека нельзя подпускать к сцене, а они рвутся туда, лезут. Ни на грош таланта, пустота в душе, а ведь советская песня — это, в первую очередь, песня души, неспроста большинство их несложны по тесситуре, в них нет ни заоблачных верхов, ни подвальных низов, их удобно и просто петь.

Первым вспоминается Георгий Виноградов (1908–1980), его тёплый, завораживающий лирический тенор. Песня лилась из его души, его можно было слушать бесконечно. Он умел запетую до дыр песню спеть по-своему, вложить в неё тепло сердца, и она звучала свежо, одухотворённо. Кто не знает “Катюшу”, кто её только не пел: и прославленные солисты, и хоры, но как её пел Г. Виноградов (возьмите старую запись, послушайте!), так не пел никто. А как он пел “Соловьёв”! Когда он уходил из Краснознамённого Александровского ансамбля, один из хористов сказал: “Теперь некому петь “Соловьёв”...”

В одно время с Г. Виноградовым на сцене подвизался не менее знаменитый и великолепный тенор Вадим Козин (1903–1994). С его именем обычно

соединяется пение песен “Люба, Любушка, любушка-голубушка...”, “Давай пожмём друг другу руки // И в дальний путь на долгие года...”, “Осень, прозрачное утро...” и др., но он забываемо исполнял и военные песни: “Два Максима”, “Дрались по-геройски, по-русски...” и даже непритязательная “Махорочка” звучала у него по-особому.

В 1930-е и вплоть до 1950-х годов голос Петра Киричека (1902–1968) был голосом праздничной Москвы. Над украшенными колоннами Первомайских и ноябрьских демонстраций, выливающимися радостным потоком на Красную площадь, из динамиков звучал его красивый, мужественный баритон. Жизнь переменялась, теперь нет ни демонстраций, ни красочных, с лозунгами, знамёнами и разноцветными воздушными шарами ликующих колонн, но голос певца не может, не должен быть забыт. Его заслуги перед советской песней велики.

Леонид Утёсов (1895–1982) был одним из любимых певцов советского народа. Вспоминая слова песни, которую он пел в “Весёлых ребятах”, его можно назвать певучим другом народа. С его песнями народ трудился в годы первых пятилеток, воевал с врагом, поднимал разрушенное народное хозяйство. Не обладая выдающимися вокальными данными, он обладал незаурядным артистическим даром, который помогал ему не столько петь, сколько играть песню, жить в ней жизнью её героя.

Двух неразлучных певцов Владимира Бунчикова (1902–1995) и Владимира Нечаева (1908–1969) радиослушатели считали братьями. Пик всенародной любви к дуэту приходится на послевоенные годы. Лирический тенор Нечаева дополнял мягкий баритон Бунчикова. Не было такого дня, чтобы В. Бунчиков с В. Нечаевым не пели по радио 3–4 раза. Мои первые музыкальные впечатления о советской песне связаны именно с этими певцами.

Не отрицая дарования Муслима Магомаева (1942–2008), нужно сознаться, что в его успехе сыграл роль и национальный фактор. Для руководства нашей страны важны были успехи артистов из союзных республик. Эти таланты искали, выращивали и потом предъявляли как доказательство мудрой национальной политики КПСС. Она и была действительно мудрой. Отец Г. Отса, например, был певцом в буржуазной Эстонии. И кто о нём знал? Какова была его аудитория? Несколько тысяч человек. А у сына его Георга (1920–1975) была аудитория 200 миллионов советских людей! Магомаев прекрасно пел, но мировой славы достиг благодаря не одному своему таланту, но и тому, что жил рядом с Россией. Советская песня помогала всем.

Мои ровесники помнят, как вззошла звезда Иосифа Кобзона (родился в 1937 году). Его слава началась вместе с песнями А. Пахмутовой. С этими песнями он объехал весь Союз и остался верен советской песне. Поёт эти песни и сейчас. Ни один торжественный вечер не обходится без песни “Поклонимся великим тем годам”, которую бесподобно поёт Иосиф Давыдович.

Лев Лещенко (родился в 1942 году) начинал свой творческий путь, как и многие певцы (и не только эстрадные), в художественной самодеятельности, был призван в армию, пел в военном ансамбле песни и пляски. Его исполнению присущи бодрая приподнятость, оптимизм. С не меньшим успехом он исполняет и проникновенные лирические песни. Он желанный участник всех массовых мероприятий. Где Лев Лещенко – там всегда праздник.

Сейчас порой насмеваются над художественной самодеятельностью. Но ведь все когда-то начинали петь в ней!

Часто красивый певческий голос сравнивают с текущей рекой. Как струится течение полноводной реки, так струится, течёт голос человека, которого Господь наградил дивным даром – голосом. Таким одарённым человеком была Людмила Зыкина (1929–2009). Её неповторимый густой грудной голос узнавался мгновенно среди других голосов. Как и многим талантливым артистам, ей были равно доступны лирические песни (“Течёт Волга”) и песни державного содержания (“Мы помним небо под Москвою // И гнев разбуженных лесов...”). Она была первой исполнительницей многих советских песен.

Надо назвать и замечательные коллективы, которые несли советскую песню в народ. Во главе полка, построившегося к торжественному маршу, стоит дважды Краснознамённый ансамбль песни и пляски Советской армии им. А. Александрова (первый исполнитель всенародной молитвы “Священная война”, песен “Песня о Советской армии”, “Песня о маршале Рокоссовском”, “Бейте с неба, самолёты...”), за ним следует хор им. М. Пятницкого (“Русская

красавица”, “И кто его знает...”, “Вдоль деревни”), Воронежский хор им. К. Массалитинова, Уральский народный хор (“Песня о Свердловске”, “Уральская рябинушка”, “Куда бежишь, тропинка милая?..”, хоры Валаамского, Сретенского монастырей. Когда в Вологде выступил хор Сретенского монастыря, я слышал, как после концерта в раздевалке один слушатель сказал: “Честное слово, послушаешь и хочется жить. Жизнь уже не кажется такой поганой”.

Несколько лет назад, когда Севастополь ещё не стал снова нашим, мы с женой, дочерью и внуками были в Севастополе. Всех впечатлений не перескажешь, но об одном нужно сказать. На Приморском бульваре, когда заходишь на него со стороны бухты, слева построена большая эстрада с рядами врытых в землю скамеек.

При нас тут выступали самодеятельные коллективы из Кировограда, Харькова. Любо смотреть на гарных дивчин и хлопцев с бандурами, скрипками, дудками. У дивчин на головах венки, украшенные цветами, лентами, у парубков – длинные волнистые волосы. Радостно смотреть на них, молодых, красивых, чарующих южнорусской красотой лиц и выговора. Вспомнились ребята – однополчане с Черниговщины.

За века выработался тип украинца, что с этим спорить, но душа у нас общая, славяно-русская, православная, как бы её ни корёжили и ни мutilи.

Вот вышел женский ансамбль из Харькова. Женщины среднего возраста, в длинных красных платьях. Выстроились подковкой, баянист развёл меха, руководительница махнула рукой, и они грянули:

*Идём, идём, весёлые подруги.
Страна, как мать, зовёт и любит нас.
Везде нужны заботливые руки
И наш хозяйский верный женский глаз.*

Гляжу, лица у зрителей просветлели и даже помолодели. Перед этим хлопцы с дивчинами исполняли красивую, очень мелодичную певучую песню на украинском языке. Но Севастополь всё же город-то русский. А тут запели своё, не просто родное, а советское, что все знают. И припев подхватили, пожалуй, все, кто сидел:

*А ну-ка, девушки, а ну, красавицы,
Пускай поёт о нас страна!
И звонкой песнею пускай прославятся
Среди героев наши имена.*

Я ждал, что сейчас последует:

*Гордись, страна, где волею единой
Народы все слились в один народ.*

Но не дождался. Пелись: “Ой, цветёт калина...”, “Хороши весной в саду цветочки...”, “Снова замерло всё до рассвета...”, “Когда весна придёт, не знаю...”, “Лучше нету того цвета...”

Споют куплет, а потом: “А ну-ка, девушки...”

Спели песню о Киеве:

Як тобі не люби́ти, Киє́ву мый...

Баянист завёл новую песню. Во вступлении узнаётся знакомое, ансамбль запекает:

*Такой лазурный небосвод
Сияет только над тобой,
Тбилиси, мой любимый и родной...*

Слышите, грузины, о Тбилиси поют в Крыму! Поют русские и украинцы; возможно, тут есть выходцы из Средней Азии и прибалты. Люди поют от всего сердца:

Я не столько пел, сколько смотрел на людей. У них были праздничные лица, и почти все подпевали: кто-то шевелил губами, кто-то пел во весь голос, иные только покачивались в ритм музыке. Но песня была для людей родной.

Мы жили на берегу бухты. На другом берегу располагалась воинская часть. Я обнаружил это, услышав в 10-м часу вечера строевое пение. Я насторожился, но песня быстро кончилась. Видимо, у солдат была вечерняя прогулка, есть такой пункт в солдатском распорядке дня. Мне сразу вспомнилась армия, служба. Было это давно, более сорока лет назад, но многое помнится, как будто было вчера. Люблю до сих пор петь полковые строевые песни. Мечтал я послушать, как солдаты поют утром, но они встают рано, в 6 утра. А мы, намаявшись после очередной своей прогулки по Севастополю, просыпались в девятом часу.

Всё-таки довелось мне услышать, как они “поют”, но это был день жестокого разочарования.

Солдаты шагали и долбили речёвку. Это нововведение; когда служил я, в армии только пели. Речёвок не было и в помине. Это новое. Самое неприятное и позорное, что в последнее время мы много заимствуем у тех народов, у которых перенять что-либо хорошее мы просто не можем. Скажите на милость, чему мы можем научиться в военном деле у США? Ничему! Американская армия не выиграла ни одного сражения, ни одной битвы, которые оставили бы след в мировой военной истории как образец военного искусства. Начиная с истребления индейцев, все войны, которые вели США, были войнами захватническими с заведомо более слабым противником. Во всех настоящих войнах (Первой и Второй мировой) они являлись к шапочному разбору, когда всё было решено без них, являлись, как орёл с их герба, для дележа добычи.

Речёвки в строю – это американское изобретение. Петь песню сложно, трудно, нужно иметь музыкальный слух, голос, хорошую память. Для русского солдата как представителя высшей цивилизации это не представляло большого труда. В нашем полку каждая рота, помимо своей излюбленной строевой песни, знала и пела ещё с десяток. А чтобы идти и бормотать речёвку, ни слуха, ни голоса, ни ума надо.

И наших русских (украинских) ребят заставляют заниматься тем, с чем без труда могут справиться дебилы, умственно неполноценные существа.

Но, может быть, не всё потеряно? Однажды услышал я, как солдаты пели классическую советскую строевую песню “В путь”, и моё сердце, сердце старого солдата ожило.

Песня сейчас

Песня – душа народа. Она живёт вместе с народом.

Когда в нашей стране началась так называемая перестройка, всё, что испытал народ, пережила и песня. Перестройка – синоним слова “реформы”, внешние преобразования при сохранении сущности. Но под прикрытием этого слова производилось разрушение общественного строя и государства. Разумеется, песня, объединявшая народ, должна была подвергнуться общей участи.

Советская песня была брошена на произвол судьбы. Дана свобода и отдано преимущество року. В перестройку было запущено немало провокационных лозунгов, к примеру: “Разрешено всё, что не запрещено”. Но предусмотреть всё невозможно. Кроме запрета законодательного, должен существовать запрет нравственный. Русский человек тем и отличался от западного, что старался жить по совести, руководствуясь законом нравственным. “Не принято считать деньги в чужом кармане”. А почему не посчитать, если они украдены у народа? Потом был брошен призыв к всеядности, к безыдейности искусства: “Пусть цветут все цветы”. Но только безответственный хозяин, которому глубоко наплевать на свой огород, даст приволье сорнякам. Рачительный хозяин их будет выпалывать беспощадно. А здесь беспрепятственно впустили сорняки в огород, а с корнями вырывать стали культурные насаждения.

По радио проводится рок-урок, передача “7-я нота”, где повествуется о возникновении и развитии рок-ансамблей (можно подумать, русскому слу-

шателю только этого и не хватало). Но не было и нет передачи, посвящённой истории советской песни. Передача “Встреча с песней” не в счёт. Низкий поклон В. Татарскому и его сотрудникам за передачу, но фактически — это тот же концерт по заявкам, только с “ретро”-уклоном и кратким музыковедческим комментарием. Но, чтобы уничтожить даже ту скромную пользу, что приносит “Встреча”, изобрели передачу “В нашу гавань заходили корабли”, куда собирали и где транслировали всё самое худшее, что может быть в песне: и слова, и музыку, и исполнение.

Современная песня не отражает жизнь. Она вне жизни. Она чужда жизни. В советской песне была душевность. И в современной песне есть, но эта душевность чужая, тёмная, бесчеловечная. Впрочем, сами рок-музыканты не отрицают того, что они служат бесам. *И нам за ними в путь счастливый?*

В нашем городе предприимчивый человек организовал прогулки по реке на теплоходе. Купил или зафрахтовал теплоход “Дионисий”, доведёт желающих до Спасо-Прилуцкого монастыря и рулит назад, а из репродуктора на капитанской рубке несётся что-то оглушительное. Я на своё горе однажды прислушался...

“Тело моё, кому хочу, тому дарю”, — орал динамик на всю реку Вологду. Заткнув уши, я опрометью кинулся прочь. И этот звериный вопль разнузданной похоти, торжествующей проститутки кто-то считает свободой! И это в каких-то пятидесяти метрах от Вологодской святыни — Софийского собора. Более чем за 450-летнюю историю собора не было слышима такое. Неужели к этому шла русская история, русская песня?

Живи, песня!

“Полна чудес великая природа”, — говорит царь Берендей в пьесе А. Островского “Снегурочка”. На самом деле, есть в природе необычные реки. Течут и вдруг уныривают под землю, струятся там в глухом безмолвии и темноте, но время от времени выскакивают на поверхность, журча и блестя на солнце. Так и советская песня.

Шёл я однажды в нашу Лазаревскую церковь ко всенощной. В старые времена, ещё царь-батюшкины, тут были огороды. И сейчас кое-кто ковыряется здесь лопатой в земле. Прошёл я мимо храма Николая Угодника, иду, думаю о чём-то своём. И вдруг среди привычного уличного шума, который не замечаешь, я услышал что-то странное. Человек, копавший гряды, пел. Это сначала изумило меня — отвык я слышать такое пение в нашей жизни. “Пьяный или больной”, — подумал я, и в тот же миг несказанно обрадовался, остановился и прислушался. На службу я изрядно опоздал, и не совсем было понятно, о чём он поёт, стоял-то я далеко, а подойти ближе побоялся. Ведь это чудо из чудес — поющий человек! И поющий пел не зачем-то, а для себя. А подойду и спугну, замолчит он. Но поёт что-то своё, знакомое. Как же мы так забыли своё прошлое, отделились от него, что естественное, родное нам кажется ненормальным. Боже мой! Как раньше пели, а голоса какие были!

Вот так песня выходит своими путями на волю.

В последнее время советскую песню поют не на огородах. Не так давно, года два-три назад, был грандиозный концерт на Красной площади. В кои-то веки на главной площади страны многоголосым хором пели “Широка страна моя родная” (правда, спели без третьего куплета, но всё равно радость великая!). Концерт освятил своим присутствием Патриарх Кирилл, присутствовал архимандрит Тихон — ныне епископ, большой любитель и знаток советской песни.

Подобный концерт состоялся не так давно в Петербурге. Народ любит, помнит, не забыл родные песни. Слезы выступили на глазах, когда вся площадь слитно с хором запела “Город над вольной Невой...” Какие песни были!

В год 70-летия Великой Победы на площадке неподалёку от всенародной святыни храма Христа Спасителя военные песни пел квартет “Кватро”. Певцы молодые, в войне, пожалуй, участвовали если только их деды. В эти же дни фронтовые песни задушевно исполнил солист Мариинского театра В. Герелло.

Происходят отрадные сдвиги и сейчас. Меньше года назад в нашем городе среди школ проводился городской смотр строя и песни. Конечно, я пошёл туда, тем более что в нём участвовала моя внучка. Народу собралось порядочно: родители, дедушки, бабушки.

Класс строился на краю зала в три шеренги. Старший (мальчик или девочка) докладывал военкоматскому офицеру, тот командовал: направо, налево, кругом, а потом по периметру зала класс проходил строевым шагом и пел песню. Пели слаженно, под счёт и, самое главное, старательно. Лишь только раздался мерный шаг и прозвучала первая строка песни, в душе моей мигом воскресла военная, полковая молодость, строевая подготовка, прохождение торжественным маршем мимо командира полка, бой полкового барабана и много, много всего, что таится в сокровенных глубинах памяти и что не передать словами.

Строй первоклашек (тут и внучка марширует) завернул налево, всё ближе строй, всё ближе песня:

*Каждый воин — парень бравый,
Смотрит соколом в строю.
Породни-, роднились мы со славой,
Славу добыли в бою...*

Впечатление вроде бы комическое: люди-коротышки из детской книжки Н. Носова поют вполне взрослую песню, а у меня защипало в глазах, и думалось сквозь подступившие слёзы: слава Богу, ушли в прошлое бредовые времена, когда люди в чинах генерала армии заявляли, что у демократической России теперь нет врагов, все нас любят, и нам не нужна такая большая армия. А кое-кто договаривался до того, что она вообще не нужна...

*Пусть враги запомнят это,
Не грозим, а говорим:
Мы прошли, прошли с тобой полсвета,
Если надо, повторим!..*

Пел строй, проходя под балконом, где я стоял, и люди провожали детей аплодисментами.

Война против нашего народа ведётся давно. Ещё в 1946 году И. Сталин сказал о Фултонской речи Черчилля: “Английская расовая теория приводит г. Черчилля... к тому выводу, что нации, говорящие на английском языке, как единственно полноценные державы должны господствовать над остальными нациями мира”. Что же, получается, что мы сдались, поскольку с охотой свои природные слова меняем на чужие, перенимаем дикие, первобытные ритмы, ничего не говорящие ни уму, ни сердцу?

Душу нашего народа хотят переинтонировать, переозвучить на иные, чужие ритмы, чужую мелодику. Не противодействовать этому — значит стоять в стороне, предавать Родину, предавать песню. Поэтому сбережение, всемерная пропаганда и внедрение в жизнь лучших советских песен должны стать первоочередной государственной задачей. С той же энергией, с какой в наше общество настойчиво внедряется рок, должна культивироваться советская песня. Например, можно широко транслировать советские песни о Родине. И начинать с детского сада. А то противно и омерзительно слушать, придя за внуком или внучкой в детсад, детские песни в рок-ритмах. Ладно, у нас дома рок не звучит, и дети, повзрослев, остались невосприимчивы к нему, но сколько детей отравлены им! Можно проводить фестиваль советской песни, учредить День советской песни (например, в день рождения В. И. Лебедева-Кумача (6 августа).

Советская песня — это наша память, защита нашего народа от духовной интервенции. Это наша сила. Ею должно гордиться, её нужно беречь.